

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Михайлов И.А. "Новая феноменология": борьба за обновление традиции // Философская мысль. 2025. № 12.
DOI: 10.25136/2409-8728.2025.12.77410 EDN: SKNXHG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77410

"Новая феноменология": борьба за обновление традиции

Михайлов Игорь Анатольевич

ORCID: 0000-0001-7750-9890

кандидат философских наук

старший научный сотрудник; Сектор философии естественных наук; Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, Таганский р-н, ул. Гончарная, д. 12 стр. 1, офис 613/1

✉ ia.mikhaylov@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.12.77410

EDN:

SKNXHG

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2025

Дата публикации:

28-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются попытки создать новое направление феноменологии, проект известный под названием «новая феноменология». Уникальность этого проекта по крайней мере в двух моментах: 1) на протяжении десятилетий его рекламировал один-единственный исследователь; 2) в кругах феноменологов, то есть тех, кто признавался в качестве «специалиста», «знатока», или же «ученика», «последователя», изначальной феноменологии, к основателю нового направления долгое время традиционно относились с большим недоверием. Это недоверие имело достаточно веские основания: некоторые основные философские аргументы Германа Шмица, основателя нового направления, страдали крайней наивностью и не были справедливы в адрес критикуемых им философов. Основное внимание уделено критике субъективности в "новой феноменологии", а также применению пространственного подхода к анализу повседневного опыта. В

исследовании использованы: феноменологический, историко-критический методы, а также анализ с позиций социологии знания. В статье показываются теоретические изъяны аргументов Шмица, а также проблемы, связанные с идеей «новизны» такого философского направления как феноменология. Разграничена в понимании французской и немецкой философии. Показано, что обращение к идее «жизни», а также радикализм составляет общую черту обоих вариантов обновления феноменологии. Разъяснены причины ограниченной коммуникации между «новой феноменологией» Шмица и более традиционным исследованием феноменологического наследия, инициированного в 1940–1950-х гг. Показано также, что существенным препятствием для диалога с другими философскими направлениями была приверженность Шмица к изложению результатов своих исследований в форме, близкой к языку традиционной метафизики, что расходилось с ожиданиями мировой философии второй половины XX в. Вместе с тем Шмицу удалось добиться заслуживающих внимание результатов: при всех изъянах общефилософской концепции, на которой основывалась «новая феноменология», он привлек внимание и интерес широких кругов специалистов различных практически ориентированных областей знания и деятельности.

Ключевые слова:

феноменология, Гуссерль, Герман Шмиц, философия жизни, атмосфера, тело, метафизика, система философии, пространственность, внутренний мир

Введение

Можно ли обновить философское направление, если практически никто не считает, что ты имеешь к нему какое-либо отношение? Очень вероятно, что этот вопрос не раз задавал себе читатель феноменологической литературы в 1980–1990-х гг., встречая сочинения одного довольно странного автора. Этим автором был Герман Шмиц (1928–2021). В 1960–1970-х гг. он публиковал старомодные по названию и объему фолианты, предлагавшие систему, охватывающую едва ли не все мироздание, а в 1980 г. вдруг заявил о своих интересах в феноменологии. Причем сразу же – о притязании дать феноменологию *новую*. Эту обновленную «феноменологию» он так и назвал: «новая феноменология» (далее: НФ). Разъяснение новизны своей версии Шмиц неизменно сопровождал ироничной критикой прежних феноменологов и их систем. Забегая вперед, скажем: предложенная версия «новой» феноменологии до сих пор обыкновенно игнорируется почти всеми основными центрами, школами и наиболее авторитетными журналами и книжными сериями феноменологического профиля. Однако уже в начале 2000-х НФ нашла неожиданно широкой отклик как прикладная методология в целом ряде дисциплин: педагогике, медицине, теории и практике спорта, психологическом консультировании и др. С 1992 функционирует «Общество новой феноменологии», проводящее регулярные конференции; собственная книжная серия Общества уже насчитывает 39 опубликованных монографий и сборников работ.

Целью данной статьи является не «легитимация» направления в современной философии, которое остается пока подозрительно герметичным, не признанным более широким научным сообществом, но анализ сложного научно-организационного феномена. В теоретическом плане важно достичь ясности в отношении следующего круга вопросов: а) какие претензии выдвигаются против традиционного философского направления (феноменологии)? б) в какой мере они обоснованы? в) Далее, представляет интерес, что предлагается взамен и насколько предложенное в свою

очередь достаточно обоснованно в теоретическом отношении? г) В каких областях и для решения каких вопросов предлагаемые изменения могут оказаться полезными? С точки зрения социологии знания интересно понять причины интереса к НФ среди представителей частных дисциплин.

Прояснение этих вопросов будет вестись в следующем порядке. Сначала будет проанализирована программа НФ в той ее форме, в какой она стала объединяющей для научного сообщества (1). Затем (2) будет дана общая характеристика философии Шмица, которую он развивал до выдвижения идеи НФ. Третья часть (3) будет посвящена разбору аргументов Шмица и анализу некоторых спорных моментов его концепции, после чего (4) будут даны примеры использования НФ в конкретных областях знания и предложены гипотезы, разъясняющие отклик, полученный этой версией феноменологии в некоторых научных кругах.

1. Новая феноменология как коллективная исследовательская программа

Основные вехи, важные при анализе НФ как научной программы, таковы: 1980 – 1992 – 2002 – 2007. Их маркируют следующие события: первое обнародование исследовательской программы – первые конкретные результаты в организации научного сообщества вокруг идеи – первая реклама «новой феноменологии» в научном сообществе за пределами того узкого круга, который формировался вокруг Шмица в Киле [21]. Наконец, период, начинающийся в 2007 г. следует назвать переломным для распространения новой феноменологической концепции Шмица: В 2007–2009 гг. выходят популярные разъяснительные работы по НФ, появляются многочисленные переводы [23]; [29].

Сразу необходимо сделать терминологическое уточнение технического рода. «Новая феноменология» – это понятие полемическое в самых разных отношениях. Помимо того, что оно свидетельствует о недовольстве некоторых философов (в нашем случае – Шмица) феноменологией прежней – при этом нам придется еще отдельно говорить, в адрес какого периода направлена критика – «новая феноменология» есть обозначение, которое для выражения своего недовольства традицией использует не только Шмиц. Более того, в силу определенной «экзотичности» Шмица как профессора философии, это понятие в российских публикациях закрепилось прежде всего не за ним, а для обозначения некоторых представителей французской философии трех последних десятилетий¹.

Как уж было сказано, В 1980 г. автор излагает свои притязания в отдельной монографии, носящей показательное название: «Новая феноменология» [12]. Мы говорим о двух последних десятилетиях XX в., поскольку именно в этот период программу такого обновления уже нельзя было не заметить. До определенного времени термин «новая феноменология» в трудах Шмица не встречается. Только в 1980 г. философ заявляет о нем как о целостной программе. Эти даты примечательны. Позицию профессора в университете г. Киля Шмиц занимает с 1971 по 1993². Это значит, что на продвижение «собственной концепции» в статусе наибольшего влияния у Шмица осталось 13 лет. За год до выхода на пенсию авторы идеи, создается «Общество новой феноменологии», тогда же начинают проводить первые конференции. Итак, что же сообщает нам «Общество новой феноменологии»?

Риторическая структура программы «Общества новой феноменологии» (далее: ОНФ) содержит три основных блока: первый рассказывает о «том, что есть» (иначе говоря: что

должно послужить точкой, по отношению к которой предлагаю определить модификации научной программы. Второй блок высказывает претензии к этому состоянию. Третий блок обещает раскрыть, на как и на какой теоретической основе предлагаю разрабатывать альтернативные варианты. Все три блока страдают серьезными изъянами: первый не дает обозначение, но не разъясняет его смысл; второй указывает на опасность, которая угрожает любому вообще философскому направлению (и, следовательно, не доказывает, что именно феноменологические исследования в их нынешнем виде нуждаются в преобразованиях). Третий риторический блок, опять-таки, называет слова, за которыми скрываются сложные комплексы проблем. (Здесь и далее в качестве источника используется: [\[86\]](#))

1. [Определения]. Программа аккуратно обходит известную проблему определения традиции. Это слово, говорят нам, «обозначает философское направление, идеи которого широко распространяются на множество других наук – от медицины и физики через социальные науки вплоть до психологии». Столь же уклончиво и второе предложение программы ОНФ. «“К самим вещам!” – этой простой формулой Эдмунд Гуссерль вновь привел в движение ставшую вялой исследовательскую традицию, привлек множество молодых талантов. Феноменология возникла как оппозиция академической философии, которая в различных формах сводилась лишь к новым изданиям концепций классиков, если вообще не ограничивалась управлением готовыми мыслями». – Действительно, и «привлечение молодых талантов», и «оппозиция академической философии» имели место в первые десятилетия XX в. Вот только эти тенденции не были специфичны ни для феноменологии, ни вообще для философии. Все тоже происходило тогда в области поэзии и литературы, и живописи, политике и возникавших в те годы новых религиозных движениях.

2. [Обозначение проблемы]. И вот нас знакомят с проблемой, требующей своего разрешения. «Однако одной из ироний истории, – продолжают представители ОНФ, – является то, что во второй половине XX века именно сам Гуссерль стал объектом академической схоластики, против стерильности которой он некогда выступал и масштабы которой к настоящему времени приняли уже почти гротескные формы». Представители общества полагают, «что настало время оживить первоначальный феноменологический импульс, вновь отправиться “к самим вещам” и пробиться к феноменам. Ибо формирование нашего воображения естественнонаучными теориями и конструкциями, которые во многом стали само собой разумеющимся образовательным достоянием, заслоняет взгляд на факты жизненного опыта. А именно они с самого начала приводили в движение философскую рефлексию. Поэтому Новая феноменология стремится выйти за пределы схем, навязанных естественными науками. Феноменолог посредством терпеливой философской критики может выявлять и устранять те концепции и конструкции, которые стесняют и сужают наше повседневное восприятие. Это значительно больше, чем просто негативный процесс. Ибо при этом одновременно высвобождаются новые возможности опыта – формируется более открытая установка по отношению к действительности, а вместе с тем и прочный скепсис по отношению ко всякому преждевременному всезнанию».

Эта обширная цитата опять-таки отделяется общими словами. Опасность превратиться в «объект академической схоластики» угрожает всякому, любому вообще философскому начинанию, любой философской программе. Разумеется, любая философская теория, любой философский подход может «заслонять взгляд на факты жизненного опыта». В этом-то и состоит особенность живой мыслительной (духовной) деятельности: поскольку она не может быть формализована в некотором наборе правил и процедур, поскольку

любые попытки такие правила все же изобрести или хотя бы сформулировать могут приводить к искажению самой сути этой деятельности.

3. [Указание на методологию]. Рассмотрим последний, третий блок программы ОНФ. «Новая феноменология, – разъясняет Правление общества, – обязана своей понятийной и тематической основой философским усилиям Германа Шмитца. С терпеливой тщательностью он сделал непредвзятый жизненный опыт доступным ответственному, подотчетному высказыванию и тем самым – исходя из того, что мы ощущаем на собственном теле (Leib), – заново открыл для методического размышления обширные области действительности: тело, чувства, атмосферы, ситуации. Конечно, тело (Leib) – как то, что, так сказать, ближе всего к нам и больше всего нас занимает, – является важной темой традиционной феноменологии, анализ телесного состояния у Шмитца представляет собой новый этап в развитии этой проблематики. Он предлагает концепцию для многочисленных практик, центрированных вокруг тела. Не случайно эту теорию приняли и обсуждают врачи и терапевты. Возможно ОНФ – единственное философское общество, уже многие годы поддерживающее непрерывный контакт с врачами и психологами».

Этот смысловой блок завершается кратким указанием на то, что проблема тела – не единственное, чем может быть интересна НФ (другие области: теории познания, право, эстетика). Принципиальное отличие НФ от других философских подходов усматривается в ее принципиальной ориентированности «на опыт и применимость».

Сопоставление этой программы с изначальной ее формулировкой Шмицем обнаружит некоторые существенные расхождения.

2. Метафизические истоки «новой феноменологии»

2.1. «Система философии»

Итак, феноменологические амбиции Шмица заявлены в 1980 г. – А что же до этого времени? Да, Шмиц высказывает об основных представителях феноменологического движения (Гуссерле, Хайдеггере, Сартре). Однако в той или иной мере это делают в те годы многие философы, и такие упоминания сами по себе еще никак не свидетельствуют о приверженности использующего их автора к определенному направлению философии. А вот кое-что в работах Шмица до 1980 г. идейной близости к феноменологии даже прямо противоречит. Но для начала – о некоторых формальных вехах «творческого пути» этого автора. Они пригодятся для понимания происхождения нового направления в феноменологии. Докторскую диссертацию Г. Шмиц защищает в 1955 г., вторая диссертация (габилитация) последовала довольно быстро – в 1958 г. Начиная с 1964 г. Шмиц начинает совершенно необычный философский «марафон»: в течении следующих лет он опубликует пять томов своего фундаментального трактата с откровенно старомодным названием «Система философии». Пять томов, однако – но в десяти книгах. При этом каждая из книг редко менее трех-четырех сотен страниц (заметим, первые четыре книги серии выходят с разрывом в год). Общий объем этого эпохального многотомного труда составляет около 5000 страниц. К середине XX в. таких сочинений не пишут, а если все же пишут и публикуют, то читателя найти для них крайне сложно. Именно с указаниями на эти формальные обстоятельства мы сталкиваемся с главным, что определило судьбу «Новой феноменологии»: это направление долгое время находилось в изоляции от всех других исследователей, формально привязывающих себя к такой теме как «феноменология». Когда же это влияние начало проявляться, оно осталось ограниченным, почти не распространяясь на наиболее широкие круги «феноменологов»

и, во-вторых, оно было ограничено главным образом прикладными исследованиями.

Тот факт, что Герман Шмиц долгое время не был особенно замечен и тем более принят в сообществе тех, кто занимается феноменологией – обстоятельство, которое редко кем из исследователей оставалось не замеченным. Не без некоторой горечи высказывался об этом и сам Шмиц. Однако в чем же причина того? В качестве объяснения, последователи Шмица предлагали объяснения иногда излишне простодушные. Возможно, это происходило потому, предполагают одни, что Шмиц писал в основном по-немецки? [54]. Не уверен, что эта причина могла оказаться так уж непреодолима. Ни Гуссерль, ни Шелер, ни Хайдеггер на английском своих книг и статей не сочиняли. То же самое характерно для Плеснера, Гелена и многих других немецких авторов, весьма широко и активно цитируемых сегодня. Полагаю, причины здесь значительно более сложны и многообразны.

2.2. Анахронизм на уровне замысла и формы; полемизм

Не находится ли НФ «на обочине мировой феноменологии»? В современных словарях, энциклопедиях и лексиках – издания такого рода играют важную роль в формировании представлений об идентичности современных научных направлений – Шмиц также отсутствует. Редкие упоминания его имени имеют случайный характер. Представляется, Шмиц сделал практически все для того, чтобы феноменологическая философия и просто исследователи феноменологии не воспринимали его как релевантного партнера по диалогу. Действительно, разберем все линии, по которым он расходился с феноменологически ориентированными исследованиями того времени.

1. Первым и совершенно определенным маркером, предотвращавшим какой-либо интерес к этому автору было *название*, выбранное им для своего основного труда ([1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10]). «Система философии»! Действительно, Шмиц уже по стилю своего письма, по самой философской задаче, как он ее видел – автор глубоко несовременный, разошедшийся с современностью если не на целое столетие, то по крайней мере на три десятилетия. Дело в том, что, помимо классиков философии первого ранга – Г.В.Ф. Гегеля [57], В. Дильтея [48], Р.Г. Лотце [68], [69], Г. Когена [45], [46], [47], Г. РиккERTA [77], а также многих других, был еще целый ряд философов рангом пониже (ср.: [87]) или даже сегодня совершенно позабытых [50], для которых само выражение «система философии» было четким и недвусмысленным указанием не стародавнюю, традиционно-философскую проблематику: проблематику *метафизическую*. Некоторые из названных философов могли метафизику критиковать, могли строить свои системы так, что классическая структура метафизических вопросов была едва распознаваема. Однако их философии при этом не теряли, не разрывали связь с метафизикой совершенно. Резюмируем. В середине XX в. метафизических трактатов почти не писали, и уж совершенно точно читать не желали³.

2. Дополнительно, имелась своя интрига и во феноменологии к метафизике. На своих наиболее ранних этапах – главным образом, период «Логических исследований» – философская программа Гуссерля отнюдь не чуралась метафизики и была готова обсуждать ее как необходимое «восполнение» частных наук [32, с. 37–43 (§ 5–6)]. Однако довольно скоро Гуссерль предложил еще более радикальную версию проектируемого им «наукоучения». В этой, более радикальной (трансцендентальной) версии феноменология стала понимать себя как принципиально противоположная метафизике. Это более радикальное понимание философской науки об основаниях знания потребовало, помимо прочего, детализации того отдела феноменологической методологии, который разъяснял

роль и значение философского скепсиса (теория «эпохэ»; ср.: [60, S. 29, 39]; [61, S. 39–40]). Именно так – как антиметафизическое направление в философии – феноменологию и воспринимали в 1950–1980-х гг.

Для феноменологического направления, если воспользоваться выражением Э.-В. Орта, было важно «не говорить интонациями метафизики» [75, S. 8]. Феноменология видела себя как форма философствования, связанная с философией критической, трансцендентальной. При этом «трансцендентальный» означало «абсолютную противоположность ко всякого рода догматизму», причем не только догматизму метафизики, что стало мишенью для атаки со стороны Канта, но критики скрытых метафизических импликаций в современных антиметафизических позициях» [64, S. 19–20]. Отдельные работы, все-таки увязывающие феноменологию и метафизику (ср., напр.: [67]) могли апеллировать лишь к работам М. Хайдеггера после «поворота» [58]; – тем самым еще более подчеркивая «неметафизичность» изначальной феноменологии⁴.

По этим причинам «Система философии» вполне могла быть воспринята как труд, не имеющий отношения к феноменологической традиции, а последовавший за этими фолиантами манифест «новой феноменологии» должен был показаться совершенно ничем не подкрепленной претензией. Таким образом, мы имеем уже по крайней мере две достаточно весомые причины, по которым идеи Шмица не могли быть восприняты так, как того желалось их автору: 1) несвоевременность *формы*, в которой эти идеи были предложены в целом «духу времени»; 2). Несоответствие сложившегося представления об антиметафизичности феноменологии – тому, по своей природе метафизическому подходу, который предлагал Шмиц. Но имеется и множество других.

3. Следующая причина может показаться несущественной, поскольку она также связана с противоречием образа, сложившегося относительно феноменологии, и того, что предлагал Шмиц. В 1960–1970-х гг. этот образ в значительной степени был сформирован работами Шпигельберга (1904–1990). Имеются вполне понятные причины, по которым в двух первых изданиях «Феноменологического движения» (1960, 1971) Шмиц не мог быть упомянут. Не должно удивлять, что и третье издание книги (1982) обошлось без него – вероятнее всего, возраст Шпигельберга сказался на его физических возможностях или желании знакомиться с литературой, вышедшей в 1980–1981 гг. Каковы бы ни были причины, важен фактический результат: в том обобщающем труде, который на десятилетия сформировал представления о «феноменологии» были обильно и подробно представлены, кто написал некоторое количество комментаторских работ о Гуссерле⁵, но отсутствовали те, кто предлагал концептуальные идеи в феноменологии.

Между тем, даже если бы фактические обстоятельства сложились иначе, необычайно трудно представить, как удалось бы «встроить» Шмица в феноменологическую традицию в том понимании, которое пропагандировал Шпигельберг. Ведь когда Шпигельберг предложил свою концепцию «движения» и таким образом впервые соединил в одной «традиции» довольно различных по духу мыслителей, он опирался на две не особенно прочных и не очень устойчивых опоры. Одна заключалась в идее научной преемственности, выстраиваемой по линии «учитель – ученик». Вторая состояла в том, что по этой линии органического, непременно персонифицированного роста мы можем, во-первых, говорить о научных идеях как некоторых более-менее четко очерченных комплексах мысли и, во-вторых, что идеи есть нечто, что в таких движениях развивается. Разумеется, в середине XX в. термин движение спорадически используется в качестве общего термина для обозначения сложных и разноплановых феноменов [73].

Показательно, что всякий раз при этом идет о культурно отдаленных от современности эпохах и «направлениях» мысли. Однако с точки зрения современной социологии науки – в частности, социологии научных сообществ – есть целый ряд проблем, которые и по сей день остаются дискуссионными (и, следовательно, не могут без оговорок приниматься в качестве научного аргумента).

Одной из таких проблем является определение «онтологии» историко-философского процесса, для которой требуется, в частности, установление однозначных связей между «идеями» и «движениями». Эти связи могут нам сегодня казаться интуитивно понятными, поскольку в сознании присутствует известное афористически звучащее выражение из статьи «К критике гегелевской философии права» («теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»). Но что значит овладевать? Гуссерль не раз давал свою версию ответа на этот вопрос, однако далеко не всеми эти ответы признаются в качестве удовлетворительных.

Что, если философские движения («традиции», «направления» в философии) совсем не являются примерами «идей», которые «овладели массами»? Что, если движения формируются иногда как раз в отсутствие ясной руководящей идеи? В связи с этим непростым вопросом, безусловно требующем отдельного рассмотрения, я укажу только на некоторые работы, предлагающие иной (иногда значительно более скептический) взгляд на проблему. Так, например, в своем исследовании о закономерности формирования младогегельянцев как идейного, социального и культурного феномена, Эссбах высказывает заслуживающую внимание идею о том, что «“идей” суть не просто мысли или размышления, но ... виртуальные “течения”, “тенденции”, “движения”» [\[49, S. 34\]](#)¹⁶.

4. Четвертая причина, по которой концепция Шмица долгое время находилась в тупике (и, по всей видимости, все-таки находится в нем и по сей день) заключается в двусмысленности и неопределенности системы координат, в соответствии с которой нам предлагают определять «новизну». Программа НФ в том виде, в каком она представлена на сайте «Общества новой феноменологии» создает у читателя впечатление о Гуссерле как «герое»: он будто бы «вновь привел в движение», «привлек таланты» и т.п. А вся беда якобы в проблемах, которые начались после Гуссерля (его новаторская философия, убеждают нас, стала объектом «схоластики»). Однако ОНФ намеренно смягчает воинственные формулировки своего основателя. Вероятно, последователи догадываются, что если воспроизвести критику Шмица во всей ее остроте, то она с легкостью отпугнет значительную часть интересующейся публики. Герман Шмиц как основатель НФ говорит прямо и открыто: уже сам Гуссерль стал для феноменологии проблемой. «Новое» определяется не как обновление, восстановливающее излишнюю систематизацию, выхолащивание «изначально живой» проблематики, но как то, что должен был сделать (но не сделал!) сам Гуссерль. Сомнение в философской обоснованности феноменологии Гуссерля – вполне допустимый вариант критики. Однако уходя слишком далеко в предшествующую традицию, Шмиц отчасти подрывает пафос новизны, заключенный в предлагаемой им вариации феноменологии. В этом случае можно вспомнить, что с точки зрения еще более традиционной (например, сторонников философии Гегеля), уже и феноменология Гуссерля считалась «новой» [\[66\]](#).

По крайней мере часть этой особой «несвоевременности», этого анахронизма своих трудов Шмиц видел и пытался оправдать. По его мнению, одной из главных проблем современной философии (философии середины XX в.) является «интроверсия чувств», то есть трактовка чувств как «внутренних» состояний сознания. Эта парадигма восприятия

чувств укоренилась настолько, что, как считает Шмиц, не может быть никаких надежд на ее преодоление, если не будут тематизированы и проверены все центральные, доминирующие убеждения и постулаты западноевропейской философии [1, S. XI].

Я показал, почему идеи Шмица не были, да и не могли быть приемлемы хотя бы уже с учетом логики «социально-практической», то есть закономерностей формирования и роста научных сообществ, обыкновенно реализуемых в развитии науки в последние два столетия. Но теперь надо показать, как это отразилось в научной практике. Воспроизведем теперь основные идеи философской программы Шмица, постоянно сопоставляя их риторическими блоками ОНФ.

3. «Новая феноменология» как полемическое понятие

Итак, мы приступаем к той части нашего анализа, в которой необходимо, во-первых, представить основные аргументы Шмица в систематической форме, во-вторых, сравнить их с конечной программой НФ. Прежде всего важно со всей ясностью показать, что «новая феноменология» – это всецело, насквозь полемическое понятие. Уже само по себе указание на «новизну» намекает на неполную удовлетворенность «старым». В связи с этим предстоит выяснить: 1) что вообще понимается под феноменологией («старой» / «традиционной» / «классической» и т.п.); 2) какое ее состояние или этап развития считают заслуживающим преодоления и по каким причинам. Шмиц обыкновенно не упускает возможности лишний раз подчеркнуть свое расхождение с традиционной феноменологией. Копируя парадоксальную форму известной сентенции о войне как «деле слишком серьезном, чтобы доверять ее генералам» (обыкновенно ее приписывают Клемансо), Шмиц предлагает высказывается о феноменологии: «Я полагаю, что феноменология – слишком серьезная, важная и ответственная задача, чтобы доверять ее мечтателям и самоизбранным элитарным мыслителям, сохраняющим ресентимент против научной содержательности» [13, S. 258].

«Новая феноменология», убеждает нас Шмиц, «стремится сделать людям понятной их действительную жизнь» [29]; [28, S. 7]. Делает она это, «устраняя исторически сформировавшиеся искусственные усложнения». – Пока что Шмиц не предлагает ничего принципиально нового: необходимость преодоления традиции, борьбы с ней, ради доступа к «изначальному» опыту осознавалась как Гуссерлем, так и Хайдеггером, каждый из них предлагал свое специальное методическое решение этой задачи («эпохэ» у Гуссерля, «деструкция» у Хайдеггера). Зачем это нужно? Тем самым, поясняет Шмиц, НФ «может ближе подбираться к непроизвольному жизненному опыту» [29]. Под непроизвольным жизненным опытом «понимается то, что с людьми происходит и становится замеченным (merklich widerfährt), не будучи ими намеренно заранее устроено» [29]; [25, S. 12]. Прежняя (ältere) феноменология отстает. Поскольку «в значительной мере движется в русле традиции». «Исключения, правда, обнаруживаются у Хайдеггера и также у Сартра, но лишь в виде намеков» [29]. Эти философы, говорит Шмиц, «приоткрыли дверь» – «но ведь нужно еще через нее выйти!», с пафосом добавляет он. А что Гуссерль? «Гуссерлевская феноменология, – продолжает Шмиц, – во-первых, страдает от метафизической традиции – не только в облике трансцендентальной философии, но уже и в представлении о сознании, населенном сплошь интенциональными актами» [29, S. 20]; [25, S. 17, 115] Гуссерль, полагает Шмиц, «был слишком математиком», он оперирует лишь единичным, затем это разрозненное как-то сочленяя. «Но существуют совсем иные типы многообразия, и это очень важно, если хочешь подбираться к жизненному опыту» [29].

Уже на этом этапе заметно, что Шмиц постоянно апеллирует к понятию жизни, – это важнейшая тема не только для его концепции. Пожалуй, это вообще, «главный нерв» большинства полемических выпадов против феноменологии или попыток ее конструктивного преобразования. Причем так обстоит дело едва ли не с ранних лет становления феноменологии. В 1912–1913 гг. к идее жизни обращается М. Шелер как к идее эмоциональной жизни^[79]; в его «Формализме» (1913, 1916) ^[80] «жизнь» функционирует как важная философская категория⁷. Именно «жизнь» была полемическим понятием, которое использовал в 1919–1923 гг. М. Хайдеггер^[59], пытаясь преобразовать гуссерлевскую феноменологию; «философия жизни» была традицией, которую зять В. Дильтея, Георг Миш, противопоставлял феноменологическому подходу как Гуссерля, так и Хайдеггера^[71]. Уже тогда, в 1920-х проблема жизни стала одним из фронтов интеллектуальной борьбы между феноменологией и прагматизмом, и сегодня эти проблемы актуальны вновь^[44]. Похоже, что чем более сильной будет потребность противопоставить феноменологии «что-либо действенное» (а свою философию представить в выигрышном освещении чего-то «по-настоящему нового»), тем более вероятно, что в этом соревновании будут использованы аргументы, апеллирующие к «жизни»⁸. Не является, потому, случайностью, что и французские авторы, которые некоторое время после Шмица озабочились презентацией своего философского вклада как оригинального, также поощряли характеристику своих усилий как новую феноменологию⁹, причем непременно подчеркивая ее уникальный, «эпохальный» характер «этой задачи ... безмерна»^[30, с. 11], новая феноменология «предлагает будущее» и «открывает прошлое»^[30, с. 13]. Точно так же, как и Шмиц, апеллируя к мнимым неудачам в постижении «жизни»¹⁰.

Но вернемся к тому, как Шмиц касается темы жизни. Поскольку «жизненный мир» – тема слишком уж известная благодаря феноменологии Гуссерля, Шмиц не может ни пройти мимо этого факта, ни скрыть его значение. Поэтому, он, конечно, признает, что «понятие жизненного мира у Гуссерля имеет большое значение». Однако сразу за тем следует обвинение: «Это понятие у Гуссерля сконструировано слишком просто»^[29]. Гуссерль полагает, что достаточно лишь отбросить восходящую к Галилею идеализацию, и тогда остающееся можно описывать как жизненный, естественный мир. Высказывая не особенно очевидный упрек в упущении Гуссерлем всей сложности и многоаспектности понятийного и категориального опыта, Шмиц заключает: «В сущности гуссерлевский жизненный мир остается миром, полным объектов, которые, так сказать, понятийно незапятнанными разгуливают по земле»^[29].

Я полагаю, приведенные примеры сделали более ясным тезис, который я высказывал ранее (ср.: часть 2.2). Предлагая «новую» версию философской традиции, Шмиц, как кажется, систематически вводил читателя в заблуждение относительно того, «где» та феноменология, которую он предлагал бы обновить. Критика Шмицем Гуссерля, а также сдержанные похвалы в адрес Хайдеггера, Мерло-Понти, показывают, что «его» феноменология намеревается обновлять нечто, что существовало еще до Гуссерля. Но что же? Здесь Шмиц часто ссылается на Гёте. Однако это предельно размывает само значение термина «феноменология», делая его синонимичным «просто философии».

4. «Новая феноменология» как новая «философия жизни»: основные темы НФ

Поскольку идея жизни, как мы видели, является центром, вокруг которого выстраивается полемическое обоснование необходимости «новой феноменологии», закономерно

предположение, что и конкретно-позитивная программа Шмица должна каким-то образом быть связана с темами, максимально близкими к повседневному жизненному опыту человека. Так оно и вышло. Телесность, атмосфера, – вот те понятия, трактовку которых обыкновенно считают вкладом Шмица в философскую теорию.

4.1. Тело

Понятие тела (*Leib*) и телесности (*Leiblichkeit*) – центральные для «новой феноменологии» [26]. Шмиц, конечно, ссылается на Мерло-Понти, однако полагает, что и слово, которое использует французский философ (*corps*), правильнее было бы переводить немецким «*Körgre*» (в немецком языке обыкновенно – неживое тело, тело физического неодушевленного мира, однако может использоваться также и для обозначения тела человека). «Различие моего подхода с подходом Мерло-Понти, отмечает Шмиц, состоит в том, что у меня *Leib* – предмет особого рода, нечто иное, чем человеческое тело (*Menschenkörgre*)». «Человеческое тело – это вещь с постоянной длительностью и фиксированным очертанием и, по положениям и расстояниям, повсюду определенная относительными местами». Между тем, тело ощущаемое (*spürbare Leib*) «это все то, что человек в пределах собственного тела ощущает в себе самом как принадлежащее самому себе, причем без того, чтобы пользоваться чувствами». Именно это представление об ощущении (*Spüren*) Шмиц считает важным в своем подходе. Он имеет при этом в виду такие телесные ощущения (или «движения» [*Regungen*]) как страх, боль, наслаждение, отвращение или усталость. А также всякую спонтанную «захваченность чувствами».

Прежняя феноменология, утверждает Шмиц, предлагает довольно бедную, крайне недостаточную концепцию тела. Немногим лучше и варианты, которые дают Сартр и Хайдеггер. Они скорее применимы к человеку, уже достигшему определенного возраста, взрослого человека. – И здесь со Шмицем вполне можно согласиться. Правда, в какой степени удачна альтернатива самого Шмица – вопрос отдельный. Во всяком случае, выстраивает он ее следующим образом: Шмиц говорит о «непосредственном ощущении, ощущении «быть-при-себе» (*Beisichsein*), которое намного более элементарно, чем варианты экзистенциальной философии (напр., «человек, который относится к себе»).

Понимая «чувства» в этом расширительном смысле, Шмиц стремится трактовать их как «пространственные» и считает возможным ссылаться на некоторые зафиксированные клиническими психологами отчеты, согласно которым человек, находясь в определенных ситуациях, как бы наблюдает, будто его ощущаемое тело (*Leib*) как бы «выезжает» из тела физического (*Körgre*), «выходит» из его пределов (и человек словно смотрит на себя со стороны, некоторые люди даже сообщали о впечатлении, будто видели себя сверху).

Шмиц экспериментирует с понятиями, которые могли бы обозначать «элементарную телесную затронутость», которые могли бы описывать «примитивное настоящее», наиболее простой примитивный повседневный телесный опыт. «Я, здесь, сейчас, быть, это» («*Ich, hier, jetzt, sein, dieses*»). Этот опыт возникает в ощущаемом теле, и передается через него; он общ для животных и людей. Такое описание опыта могло бы подойти и для описания опыта младенца, полагает Шмиц.

Можно сказать, что Шмиц пытается вернуть в субъективность, в чувства протяженность и пространственность, которая была исключена из них со времен Декарта (ср.: [15, S. 330]). Вполне допустимы и другие сравнения, относящиеся к более недавнему прошлому. Например, с Витгенштейном «Философских исследований». «Субъективность – не

свойство субъектов, – утверждает Шмиц, – но свойство фактов» [\[11, S. 325\]](#). Конечно, легко посмеяться над такой формулировкой, сочтя ее вопиющим примером философской безграмотности. – Надо же! Субъективность мы теперь будем приписывать вещам! Однако совсем уж просто отнести эту фразу нельзя. Шмиц имеет в виду, что с давних пор мы привыкли оперировать понятиями-символами: «дух», «душа», «сознание» и т.п. И так же привыкли раскладывать весь свой многообразный опыт по рубрикам этих понятий. Однако почему непременно мы должны рассуждать о субъективности как «сфере внутреннего», «приватного»? Быть может, предлагает Шмиц, субъективность начинается как раз там, где мы имеем дело с наиболее элементарной, «телесной затронутостью» (*leibliche Betroffensein*)? И вот если мы отказываемся от представления о субъективности как специфическом мире «внутреннего», противостоящем миру «внешнего», пространственного, мы и должны, полагает Шмиц, переосмыслить весь категориальный аппарат, используемый нами для описания опыта.

Пространственная теория субъективности Шмица была благоприятно воспринята в социологии, педагогике и теории спорта (ср.: [\[52\]](#); [\[53\]](#)). Свои применения она находит и в политической теории. Можно заметить, что теория телесности, чувств, эмоций, которую предлагает Шмиц, в некоторых случаях вступает в противоречие с либеральными теориями социума. Показательна критическая рецензия на сборник работ Марты Нюссбаум, которую Шмиц публикует в 2002 г. В основе этой критики также лежит «пространственная» теория чувств Шмица. Шмиц полагает, «либеральное заблуждение Руссо», реализованное политически в 1789 г. и продолженное Марксом, заключалось в вере, будто люди могут жить бок о бок с другом спокойно и мирно. Шмиц же считает, что «косью телесной динамики» являются витальные импульсы и антагонистически противостоящие тенденции, заметные не только в «теле ощущаемом», но перехлестывающие также в «телесную коммуникацию» и продолжающие себя в неустранимой борьбе за доминирование. «Вера в либерально расслабленный мир свободы и согласия, не отягощенный конфликтами воли к власти есть иллюзия, существующая за счет стерилизации творческих импульсов», полагает Шмиц [\[22\]](#).

4.2. Атмосфера

В понятии «атмосфера» Шмиц [Schmitz 2014]; [\[70\]](#) стремится продолжить свое истолкование жизненного опыта с помощью пространственных метафор. В повседневности мы часто говорим, что некто «создает [вокруг себя] нехорошую атмосферу», «атмосферу беспокойства, напряженности – или, наоборот, доверительности, «теплоты». Шмиц полагает, что эти выражения имеют не только метафорический характер. Очевидно, что чувства – не вещи. Но столь же очевидно, что мы можем столкнуться с серьезными затруднениями, если будем мыслить их как исключительно внутреннее, нематериальное. Чувства для Шмица – это атмосферы. Они человека – «захватывают», «охватывают». Атмосферы находятся в пространстве, но не в пространстве геометрического рода, а в беспротяженном (*flächenlosen*) пространстве, по типу пространства погоды или тишины. Это все такие пространства, о которых нельзя сказать, что в них есть положения и расстояния, что в них есть три измерения. Чувства – это атмосферы, т. е. заполнения беспротяженных пространств с характером широты. Существуют тематически центрированные чувства и направленные, но не центрированные чувства. Эти «атмосферы» отчасти лишь воспринимаются, отчасти ощущаются в аффективной затронутости.

Для захваченности чувствами характерно, что эта персональная реакция приходит лишь задним числом, что особенно можно сделать ясным на примере гнева. Чувства

приближаются к человеку, захватывают его и разыгрываются в нем. Когда гнев захватывает человека, это нечто, что сначала разыгрывается не в душе, а в «теле ощущаемом» (Leib). Гневу человек вынужден иногда «поддаваться», прежде чем окажется в состоянии анализировать его спокойно и отстраненно. В этом смысле настроения – это атмосферы чувства, которые сообщают широту. Причем существуют «чистые настроения» – они не сообщают ничего, кроме широты.

Как мы говорили, наибольшее влияние «новой феноменологии» заметно не на уровне общих идей, а в философском применении таких нетипичных понятий как «атмосфера». В русскоязычных публикациях это проявляется в полной мере: «новая феноменология» ассоциирована, скорее, с новой французской философией – однако в частных областях знания некоторые категории Шмица вписались довольно удачно – например, «атмосфера» [34]; [35]; [36]. Причем эстетика и этнография, судя по всему, открыли для себя Шмица совсем недавно.

Шмиц убежден [25, S. 16], что его новая феноменология (как теория, по-новому раскрывающая пространственность человеческого опыта, найдет свое применение в архитектуре – как теории жительствования, внутреннего и внешнего (городского) пространства, географии, медицине (в частности, в практике ортопедов), в фонетике (помогая понимать разговор как телесную коммуникацию), в психиатрии (при коррекции нарушений личности и телесного опыта), педагогике (ситуация, «атмосфера» преподавания, пространство, в котором осуществляется учебный процесс), в уходе за больными, и даже в синологии (Шмиц верит в НФ как инструмент раскрытия пространственного опыта, лежащего в основе иероглифики)).

Заключение

Данной статьей я никоим образом не намеревался способствовать, чтобы вокруг имени Шмица также и в России начала формироваться относительно узкая группа почитателей. Герман Шмиц и его последователи дали нам интересный пример развития философской теории, проблематичной в своих общефилософских основаниях, но «работающей», «применимой» в ряде прикладных областей деятельности.

Сторонники Шмица пытаются упрочить, закрепить его влияние в современной науке посредством добавления слов «новая» (или приставки « neo-... ») к существующим наукам и направлениям. Как уже было сказано, в теоретической («фундаментальной») философии это пока сделать не удалось, однако вполне проходит в частных науках. В этом смысле говорят о: «новой эстетике», «неофеноменологической социологии». Далее я приведу некоторые разъяснения к этим областям. При этом всякий раз следует помнить, что ни регулярное использование какого-либо названия, образованного таким образом в пределах некоего сообщества еще не является аргументом в пользу того, что такой подход действительно существует и может обоснованно претендовать на оригинальность в сравнении с предыдущими подходами. Идеи Шмица оказались продуктивными также и в историко-философских исследованиях. Правда, использованы они были для концепций, которые традиционными историко-философскими исследованиями также были восприняты как излишне оригинальные, едва ли не перешагивающие тонкую грань, отделяющую «всестороннее» историко-философское исследование от грубого физикализма, натурализма или даже постмодернизма. Таковой была попытка братьев Бёме интерпретировать философию Канта через теорию телесного опыта, с использованием идей Шмица [43].

Примечания

1. Такова «новая феноменология» для круга авторов, ориентированных, в основном, на современную французскую философию. См.: [\[40\]](#); [\[37\]](#); [\[38\]](#); [\[31\]](#). В отличие от зарубежных авторов [\[82, р. 243\]](#), российские «новую феноменологию» в версии Г. Шмица не упоминают. Единственным, пожалуй, исключением, здесь является статья Кирсберга [\[33\]](#).
2. Как тогда, так и до сравнительно недавнего времени, по достижении 65 лет государственный служащий в Германии (а значит, и университетский профессор) выходил на пенсию. В 2007 г. в Германии приняли закон, в соответствии с которым с 2012 г. начался поэтапной (в зависимости от федеральной земли и года рождения человека) переход к повышению пенсионного возраста до 67 лет.
3. Последним из философских трактатов XX в., не использующих ни одно из двух ключевых слов в названии произведения, но все же наиболее близкой к «Системе философии» Шмица по духу, была трехтомная «Философия» К. Ясперса (1932).
4. Это убеждение стало меняться лишь в последние десятилетия – отчасти благодаря новейшей французской философии (той самой, которая также стала претендовать на обозначение «новая феноменология»), а отчасти (ср.: [\[62\]](#); [\[78\]](#)) благодаря новым исследованиям феноменологии Гуссерля, более полно выявляющим его связи с традицией немецкого идеализма.
5. Концепция Шпигельберга заключалась в стремлении представить феноменологию как течение максимально широкое, охватывающее возможно большее количество национальных философий. Это своеобразное стремление к «инклузивности» и «пропорциональному представительству» забронировало место по крайней мере для упоминания представителей советской феноменологии: П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошиловой, а также З.М. Какабадзе [\[84, Р. 666\]](#). Советская феноменология вообще находилась в благоприятном контексте – не только ввиду дореволюционной фазы рецепции феноменологических идей (Г. Шпет, Б. Яковенко, Н. Лосский), но также и благодаря отдельной индустрии 1960–1980-х гг. под названием *Soviet Studies*, то есть исследований советской истории, идеологии и философии подкрепленной соответствующими исследовательскими институциями, журнальными и монографическими сериями. (Это заметно в том числе и потому, что, назвав эти имена советских философов, Шпигельберг тут же ссылается на статью одного из советологов, из статьи которого эта информация была переписана [\[42\]](#)).
6. При всей внешней «еретичности» этого наблюдения, необходимо отметить, что монография Эссбаха была защищена в качестве габилитационной работы, а книжная серия «Übergänge», рамках которой книга была опубликована, выходит под редакцией Рихарда Гратхофа, известного специалиста по философии А. Шюца и вообще в области феноменологической социологии, а также Бернхарда Вальденфельса, по праву считающегося одним из крупнейших из ныне живущих представителей современной феноменологии.
7. В частности, она используется в конструкциях «жизнь личности», «жизнь духа», «живое осуществление духовных актов», при обсуждении присутствия нравственных ценностей в жизни человека, «волевой жизни» и т.п.

8. В рамках данной статьи мне приходится отвлечься от вопроса, не является ли «аргумент жизни» широко применимым не только к феноменологии, но и вообще к другим философским течениям. А также от того, не скрываются ли за этими апелляциями к «жизни» некоторые еще более глубокие и древние споры, затрагивающие вообще всю философию и известные нам сегодня как противопоставление «теоретического» и «практического» («прикладного»).

9. Для самих французских авторов противоречия с ранее использованным термином не возникало, во-первых, поскольку французские авторы обыкновенно живут в экосистеме идей своей собственной национальной философии (это означает, что из других национальных традиций замечены более всего «несомненные классики» – Гуссерль, Хайдеггер, тогда как цитирование литературы комментаторской не является привычным делом, а тем более и полемика с такими источниками). Во-вторых, выражение «новая французская феноменология» обладает удобной двойственностью: его можно понимать и как «новую феноменологию», предложенную французскими философами, и как варианты феноменологии, новые по отношению к тому, что имелось ранее во Франции.

10. «Классическая феноменология, – утверждает М. Анри, – сталкивается с невозможностью абсолютного теоретического познания субъективности, подтверждая таким образом, что трансцендентальная жизнь ускользает от любого интенционального подхода» [\[30, с. 10\]](#); количество такого рода заявлений можно умножить (ср.: [\[30, с. 12, 51\]](#)). Анри не может удержаться и от «драматически-театральных», подчеркнуто экспрессивных выражений (напр., о «философском убийстве жизни» в феноменологии Гуссерля» [\[30, с. 31\]](#)).

Библиография

1. Schmitz H. System der Philosophie, Band 1: Die Gegenwart. Bonn: Bouvier, 1964.
2. Schmitz H. System der Philosophie. Band 2, Teil 1: Der Leib. Bonn: Bouvier, 1965.
3. Schmitz H. System der Philosophie. Band 2, Teil 2: Der Leib im Spiegel der Kunst. Bonn: Bouvier, 1966.
4. Schmitz H. System der Philosophie, Band 3, Teil 1: Der leibliche Raum. Bonn: Bouvier, 1967.
5. Schmitz H. System der Philosophie, Band 3, Teil 2: Der Gefühlsraum. Bonn: Bouvier, 1969.
6. Schmitz H. System der Philosophie, Band 3, Teil 3: Der Rechtsraum. Bonn: Bouvier, 1973.
7. Schmitz H. System der Philosophie, Band 3, Teil 4: Das Göttliche und der Raum. Bonn: Bouvier, 1977.
8. Schmitz H. System der Philosophie. Band 3, Teil 5: Die Wahrnehmung. Bonn: Bouvier, 1978.
9. Schmitz H. System der Philosophie, Band 4: Die Person. Bonn: Bouvier, 1980.
10. Schmitz H. System der Philosophie, Band 5: Die Aufhebung der Gegenwart. Bonn: Bouvier, 1980.
11. Schmitz H. Das leibliche befinden und die Gefühle // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1974. Jul.-Sep. Bd. 28. H. 3. S. 325-338.
12. Schmitz H. Neue Phänomenologie. Bonn: Bouvier, 1980.
13. Schmitz H. Phänomenologie – Vision oder Methode? [Besprechung:] Heinrich Rombach: Phänomenologie des gegenwärtigen Bewußtseins. Freiburg; München, 1980. Karl Alber. 332 S. // Philosophische Rundschau. 1981. Vol. 28. No. 3/4. S. 251-259.
14. Schmitz H. Der unerschöpfliche Gegenstand. Grundzüge der Philosophie. Bonn: Bouvier,

1990.

15. Schmitz H. Sind Tiere Bewußthaber? Über die Quelle unserer Du-Evidenz // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1992. Jul.-Sep. Bd. 46. H. 3. S. 329-334.
16. Schmitz H. Die Liebe. Bonn: Bouvier, 1993.
17. Schmitz H. Neue Grundlagen der Erkenntnistheorie. Bonn: Bouvier, 1994.
18. Schmitz H. Husserl und Heidegger. Bonn: Bouvier, 1996.
19. Schmitz H. Höhlengänge. Über die gegenwärtige Aufgabe der Philosophie. Berlin: Akademie-Verlag, 1997.
20. Schmitz H. Der Leib, der Raum und die Gefühle (Felt Body, Space, and Emotions). Ostfildern: Verlag Edition Tertium, 1998.
21. Schmitz H. The "New Phenomenology" // Analecta Husserliana. The Yearbook of Phenomenological Research. Vol. LXXX / Ed. by A.-T. Tymieniecka. Dordrecht: Kluwer, 2002. P. 491-494. – (Analecta Husserliana; v. 80).
22. Schmitz H. Grenzen einer liberalen Theorie der Gefühle // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 2002. Bd. 6. S. 977-979.
23. Schmitz H. The "New Phenomenology" Was ist Neue Phänomenologie? Koch Verlag, Rostock, 2003.
24. Schmitz H. Nuova Fenomenologia: Un'Introduzione. Milano: Christian Marinotti Edizioni, 2009.
25. Schmitz H. Kurze Einführung in die Neue Phänomenologie. Freiburg/München: Karl Alber Verlag, 2010.
26. Schmitz H. Der Leib. Berlin: de Gruyter, 2011.
27. Schmitz H. Atmosphären. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2014.
28. Schmitz H. Ausgrabungen zum wirklichen Leben. Eine Bilanz. Verlag Karl Alber, Freiburg/München, 2016.
29. Schmitz H., Brenner A. Die Neue Phänomenologie. Ein Gespräch mit Hermann Schmitz // Information Philosophie. 2009. Nr. 5. S. 20-28.
30. Анри М. Материальная феноменология / Пер. с франц. Г.В. Вдовиной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
31. Вдовина И.С. "(Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами". М., 2014 // История философии. 2015. Т. 20. № 1. С. 293-302. EDN: VUCBМХ.
32. Гуссерль Э. Логические исследования. Том I. Пролегомены к чистой логике / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С. Л. Франка; ред. Р. А. Громова. М.: Академический проект, 2024. EDN: RLKKNA.
33. Кирсберг И.В. "Новая феноменология" как богословие: что это такое? // Философские науки. 2014. № 11. С. 95-102. EDN: TFUAЕВ.
34. Рункель С. Религиозные интонации в экономике опыта: понятие атмосферы в эстетической и феноменологической мысли Германа Шмица и Гернота Бёме // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 56-69.
<https://doi.org/10.31857/S0869541524040047> EDN: AZAETX.
35. Соколовский С.В. Об атмосферном повороте в социальных науках // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 5-21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018> – EDN AZHJXU.
36. Соколовский С.В. В поисках атмосфер: направления, методы, перспективы (интервью с Тонино Грифферо) / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 22-38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP.
37. Чернавин Г.И. Новая феноменология во Франции: проекты Ж.-Л. Мариона и М. Ришира // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 71-77. – EDN SMFMFH.
38. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами /

- составители: С. Шолохова, А. Ямпольская. Москва: Академический проект: Гаудеамус, 2014. – 288 с. ISBN 978-5-8291-1584-5.
39. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Пер. с англ. группы авторов под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. М.: Логос, 2002. – 678 с.
40. Ямпольская А.В., Чернавин Г.И. Обзор международной конференции "Новая феноменология во Франции" (7-8 марта 2012 г. Париж, Франция) // HORIZON. Феноменологические исследования. 2012. Т. 1. № 2. С. 282-288. EDN: SIGVZ.
41. Andermann K. Spielräume der Erfahrung. Kritik der transzendentalen Konstitution bei Merleau-Ponty, Deleuze und Schmitz. München: Wilhelm Fink, 2007. – 321 S. (Phänomenologische Untersuchungen, Bd. 25).
42. Blakeley T.J. N.V. Motrošilova on Husserl // Studies in Soviet Thought. 1970. Vol. 10. P. 50-52. <https://doi.org/10.1007/BF02027808>.
43. Böhme G., Hartmut Böhme. Das Andere der Vernunft. Zur Entwicklung von Rationalitätsstrukturen am Beispiel Kants. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. – 516 S. (1985. 2. Auflage, 3. Auflage 1989, 2007. 5. Auflage).
44. Phänomenologische Forschungen. 2019-2: Phenomenology and Pragmatism / Hrsg. v. T. Breyer, J. Jansen, I. Römer. Hamburg: F. Meiner. <https://doi.org/10.28937/Phaefo-2019-2>.
45. Cohen H. System der Philosophie. Logik der reinen Erkenntnis. 1. Teil. Berlin: Cassirer, 1902.
46. Cohen H. System der Philosophie. Ethik des reinen Willens. 2. Teil. Berlin: Cassirer, 1904.
47. Cohen H. System der Philosophie. Aesthetik des reinen Gefühls. 3. Teil. Berlin: Cassirer, 1912.
48. Dilthey W. Vorlesung über das System der Philosophie in Grundzügen vom Sommersemester 1906 // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 20: Logik und System der philosophischen Wissenschaften. Vorlesungen zur erkenntnistheoretischen Logik und Methodologie (1864–1903) / hrsg. von Hans-Ulrich Lessing и Frithjof Rodi. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.
49. Eßbach W. Die Junghegelianer. Soziologie einer Intellektuellengruppe. München: Wilhelm Fink, 1988.
50. Frohschammer J. System der Philosophie im Umriss (Philosophie als Idealwissenschaft und System). Abt. 1. München: A. Ackermann's Nachfolger (Emil Franke), 1892.
51. Ludwig Klages und die Neue Phänomenologie / Hrsg. v. Michael Großheim, Damir Smiljanic. Freiburg/München: Karl Alber Verlag, 2024.
52. Gugutzer R. Beyond Husserl and Schütz. Hermann Schmitz and Neophenomenological Sociology // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2020. Vol. 50. P. 184-202. <https://doi.org/10.1111/jtsb.v50.2> EDN: MAFUIZ.
53. Gugutzer R. Das Pathos des Sozialen: Beiträge zur Neophänomenologischen Soziologie. Weilerswist: Velbrück, 2023.
54. Gugutzer R. Hermann Schmitz and the "New Phenomenology of sports". A programmatic outline // Sport, Ethics and Philosophy. 2024. Vol. 19. No. 4, P. 473-494. <https://doi.org/10.1080/17511321.2024.2306513>.
55. Rappe G. Einführung in die moderne Phänomenologie – Phänomen, Leib, Subjektivität. Bochum/Freiburg: Projektverlag, 2018. ISBN 978-3-89733-444-1.
56. Hasse J. Einzelbesprechung: Robert Gugutzer, Das Pathos des Sozialen // Soziologische Revue. 2024. Vol. 47. Nr. 4. S. 506-510.
57. Hegel G.W.F. System der Philosophie I // Hegel. G.W.F. Sämtliche Werke / Hrsg. v. H. Glockner. Stuttgart, 1927. Bd. VIII.
58. Heidegger M. Einführung in die Metaphysik. Tübingen, 1953.
59. Heidegger M. Grundprobleme der Phänomenologie (Vorlesung Wintersemester 1919/20)

- / Hsg. v. H.-H. Gander // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Bd. 58. Frankfurt a.M.: Klostermann, 2010. 2. Aufl.
60. Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen / Hg. v. W. Biemel. // Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Den Haag: Nijhoff, 1950. Bd. II.
61. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1. Halbband. Text der 1.-3. Auflage // Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Hua Bd. III/1 / Neu hg. v. K. Schuhmann. Dordrecht: Kluwer, 1976.
62. Phänomenologische Metaphysik. Konturen eines Problems seit Husserl / Hrsg. v. T. Keiling. Tübingen: Mohr; Siebeck, 2020.
63. Kluck S., Puchta J. (Hg.) Neue Phänomenologie im Widerstreit. Kritische Perspektiven auf Ertrag und Potential. Freiburg/München: Karl Alber Verlag, 2023.
64. Landgrebe L. Die Phänomenologie als transzendentale Theorie der Geschichte // Phänomenologische Forschungen. 1976. Bd. 3: Phänomenologie und Praxis. S. 17-47.
65. Landweer H. Zur Räumlichkeit der Gefühle // Gestalt Theory. 2020. Vol. 42. No. 2. P. 165-180. <https://doi.org/10.2478/gth-2020-0014> EDN: XISCAJ.
66. Lanz H. The New Phenomenology // The Monist. 1924. October. Vol. 34. No. 4. P. 511-527.
67. Luijpen W.A. Phenomenology and Metaphysics. Pittsburg P.A.: Duquesne University Press, 1965.
68. Lotze R.G. System der Philosophie. Erster Theil. Drei Bücher der Logik (Vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen). Leipzig: S. Hirzel, 1874; 2. Auflage 1880.
69. Lotze R.G. System der Philosophie. Zweiter Theil. Drei Bücher der Metaphysik (Ontologie, Kosmologie und Psychologie). Leipzig: S. Hirzel, 1879.
70. Neue Ästhetik das Atmosphärische und die Kunst / Hrsg. v. Z. Mahayni. München: Wilhelm Fink, 2002.
71. Misch G. Lebensphilosophie und Phänomenologie. Eine Auseinandersetzung der Dilthey'schen Richtung mit Heidegger und Husserl. L.; B.: B.G. Teubner, 1931. 2. Aufl.
72. Nachruf на Prof. Hermann Schmitz – Begründer der Neuen Phänomenologie: 16.05.1928-05.05.2021 // Deutsche Zeitschrift für Akupunktur. 2021. Bd. 64. Nr. 3. C. 241. <https://doi.org/10.1007/s42212-021-00395-4> EDN: PDEHQU.
73. Pohlenz M. Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung. Göttingen, 1949. Bd. 1-2.
74. Hegel G.W.F. System der Philosophie I // Hegel. Sämtliche Werke / Hrsg. v. H. Glockner. Stuttgart, 1927. Bd. VIII.
75. Orth E.W. Einleitung. Phänomenologie und Praxis // Phänomenologische Forschungen. 1976. Bd. 3: Phänomenologie und Praxis. S. 7-16.
76. Oznobikhina I. Magic Materialism: From Atmospheric Technologies to Architectures of Affect / I. Oznobikhina // Technology and Language. 2022. Vol. 3. No. 4(9). P. 101-124. DOI: 10.48417/technolang.2022.04.08. – EDN QPYRAJ.
77. Rickert H. System der Philosophie. Bd. I: Allgemeine Grundierung der Philosophie. Tübingen, 1921.
78. Römer, Schnell. Phänomenologie und Metaphysik. Phénoménologie & Métaphysique / Hrsg. v. I. Römer, A. Schnell., unter Mitwirkung v. Ph. Flock, T. Grohmann. Hamburg: Felix Meiner, 2020. (Phänomenologische Forschungen, Beiheft 4).
79. Scheler M. Gesammelte Schriften. Bd. VII: Wesen und Formen der Sympathie. Bern/München: Francke Verlag, 1973.
80. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus / Hrsg. v. Chr. Bermes, u. Mitarb. v. A. Hand. Hamburg: Felix Meiner, 2014. – XXXVIII, 872 S.
81. Schmitz H. Jenseits des Naturalismus. Freiburg, Br.; München: Alber, 2010.

82. Simmons J.A. *The New Phenomenology: A Philosophical Introduction*. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2013. – X, 285 P.
83. Soentgen J. *Die verdeckte Wirklichkeit. Einführung in die Neue Phänomenologie von Hermann Schmitz*. München: Bouvier, 1998.
84. Spiegelberg H. *The Phenomenological Movement. A Historical Introduction*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994. Vol. 1-2. – XLVIII, 768 P. (= Den Haag: Nijhoff, 1982. 3d Ed.). (*Phenomenologica*, 5).
85. Gahlings U. *Phänomenologie der weiblichen Leiberfahrungen*. 2., mit einem Nachwort versehene Auflage. Karl Alber Verlag, Freiburg/München, 2016.
86. Was ist Neue Phänomenologie? // [режим доступа:] <https://www.gnp-online.de/die-gnp/neue-phaenomenologie.html> [дата обращения: 20 августа 2025 г.].
87. Wundt W. *System der Philosophie*. Leipzig: Verl. Von Wilhelm Engelmann, 1889.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является новая феноменология немецкого философа Г. Шмица (1928–2021). В духе описания феноменов и феноменологических разъяснений автор приводит факты профессиональной биографии Шмица, включая знакомство с работой «Общества новой феноменологии», созданного в 1992 году.

Методологией исследования является описание философского жизненного пути Г. Шмица, анализа его работ и программы «Общества новой феноменологии», сравнении, сопоставлении классической и новой феноменологии, а также и этой последней с некоторыми другими философскими направлениями.

Тема актуальная, поскольку работ по данной проблематике немного, данное исследование (частично) восполняет этот пробел в российском философском пространстве.

Статья носит, с одной стороны, описательно-ознакомительный характер, с другой, имеет новизну в выявлении характерных черт новой феноменологии Г. Шмица, а также в ее философской критике. Во введении автор поставил четыре задачи ("Сначала будет проанализирована программа НФ в той ее форме, в какой она стала объединяющей для научного сообщества (1). Затем (2) будет дана общая характеристика философии Шмица, которую он развивал до выдвижения идеи НФ. Третья часть (3) будет посвящена разбору аргументов Шмица и анализу некоторых спорных моментов его концепции, после чего (4) будут даны примеры использования НФ в конкретных областях знания и предложены гипотезы, разъясняющие отклик, полученный этой версией феноменологии в некоторых научных кругах."), которые последовательно решал в четырех разделах.

Заключение достаточно содержательно, подводит краткий итог статьи, заканчивается она как бы на полуслове, что предполагает продолжение, которое обещает и сам автор. Он пишет в заключении: «Далее я приведу некоторые разъяснения к этим областям», имея в виду новую эстетику и новую феноменологическую социологию.

Объем статьи весьма большой (один печатный лист, не учитывая сносок и списка литературы). Однако, можно было бы предложить связать феноменологию с российской философией. Так, сторонником феноменологии был А. Ф. Лосев, который также отрицал метафизику, выступал за ее диалектический характер, то есть феноменология в ее классическом варианте, как и отмечает сам автор, присутствовала как в досоветском,

так и в советском и в постсоветском периоде российской философии.

Для читателей отметим также, что философия телесности развивается не только в Западной Европе, но и в России, что показывает сборник «Философия российской телесности». СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. 532 с., рассказывающий о цикле семинаров «Философия жизненных миров», содержащий ряд докладов, осмысливающих, кроме прочего, громадность российского пространства и его отражение в (философском) менталитете. То есть в целом эти исследования лежат в руле новой феноменологии, но с российской спецификой.

Библиография обширная, приводится большой список философской литературы на немецком языке (68), с добавлением 11 – на русском, 8 – на английском, всего 87 источников. Список содержит исчерпывающий перечень работ самого Г. Шмица, как его «Системы философии», так и его работ по «Новой феноменологии».

Основной разрыв между классической феноменологией, включая Э. Гуссерля, и новой феноменологией Г. Шмица, лежит в области между фундаментальной теорией и практикой. Представляется, что абстрактно-логические, трансцендентальные построения Э. Гуссерля дополняются новой феноменологией Г. Шмица в ее практических приложениях. А именно: необходимо исследовать, в духе И. Канта, как чистое сознание или чистый разум способен действовать практически, в обществе, в коммуникации с себе подобными (сознаниями), какую атмосферу он(о) создает вокруг себя, чем наполняет пространство (коммуникации, мысли, психических актов). Этот мост пока не проложен, классическая и неоклассическая феноменология развивались более-менее автономно друг от друга. Этот разрыв – между практической жизнью и абстрактной философией сознания, пыталась восполнить сама феноменология – в понятии жизни и жизненного мира. Но, как считает Шмиц, недостаточно. Он предложил ряд новых понятий или их интерпретаций: тело, атмосфера, пространственная теория субъективности. Само понятие тела выходит за рамки тела как «корпуса», оно носит у Шмица текущий характер, связано с ощущениями окружающего. Теории Шмица находят применение в прикладных исследованиях, включая педагогику, медицину, социологию, даже политику, что отмечает автор статьи.

Статья полезна тем, что она, написанная достаточно ясным и вместе с тем интеллектуальным языком, рассказывает об интересном немецком философе, которого мало цитируют на родине, а также мало знают в России. Тем самым восполняя этот пробел в наших философских знаниях.

Одновременно она предполагает определенный круг знаний у читателя – знаний классической феноменологии, вообще западной философии в целом. Но читать статью можно и без этих знаний, поскольку основные мысли автора выражены ясно и понятно.

Статья заслуживает публикации в журнале «Философская мысль».